

Видимо, автор—житель Переяславля: некоторое знание Севера понятно в придворной среде князя, совершавшего походы в Карелию, Финляндию, Прибалтику; отношения его с Юрием Всеволодовичем допускают возможность пропуска титула великого князя. Не к Новгороду ведет и перечень родословной суздальских князей.

Историзмом пронизана и работа Н. А. Баклановой «К вопросу о датировке «Повести о Савве Грудцыне»» (т. IX, стр. 443—459), где датировка памятника убедительно перенесена с XVII в. на начало XVIII века.

К сожалению, в некоторых других статьях исторические характеристики написаны плохо, им свойственна ненужная персонификация истории и идеализация государственных деятелей: Ивана Калиты в статье М. О. Скрипиля (т. IX, стр. 119—120), Ивана III — в статьях М. О. Скрипиля (т. VIII, стр. 288) и И. М. Кудрявцева (т. VIII, стр. 158—160), Ивана Грозного — в статье Г. Н. Моисеевой (т. IX, стр. 270). В последней статье включение Казанского ханства в состав Русского централизованного государства рассматривается не как прогрессивный акт внешней политики феодального государства, осуществлявшейся за счет народа, а как некое общенародное действие: «активная поддержка военных мероприятий Ивана Грозного народными массами и прогрессивной частью правящего класса обеспечила победу Русского государства над Казанским ханством» (стр. 267).

Неясно трактуется в «Трудах» понятие «демократические слои». Так, М. О. Скрипиля в вводной статье «Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII—начала XVIII вв.» (т. VIII, стр. 308—325) пишет о «переходной эпохе», о «глубоких социальных сдвигах» на Руси, о протесте против социальной несправедливости, об идеалах «молодых людей» посада, о чертах литературы «демократических слоев русского общества» (стр. 314) той поры. Но как же это выражено в опубликованной М. О. Скрипилем «Повести о купце, купившем мертвое тело», какие «демократические слои» представлены в ней? В повести выведен сравнительно богатый купец, стремящийся попасть в ряды феодальной знати (см. стр. 321); его помыслы о власти характерны для «нового периода» русской истории. Если этот купец — представитель демократических элементов, то каких? И как назвать тогда «ерыжных», которых «наня» герой повести (стр. 317)? Видимо, понятие — «демократические элементы» — расплывчато. Нуждается в расшифровке социальная неоднородность горожан.

Между тем некоторые авторы считают расхождение посада чем-то присущим лишь XVII в. Так, Л. С. Шентаев в статье «Послание дворянское недругу» (т. IX, стр. 371—379), предваряющей интересную публикацию памятника посадской сатиры XVII в., говорит, что посадский «мир» XVI—XVII вв. «уже не представлял собой социально однородного целого» (стр. 372). А разве в XIII—XV вв. город был социально однороден? Социальная неоднородность горожан возникает вместе с формированием города. Наконец, некоторые статьи перегружены цитатами (т. IX, стр. 246, 288).

Крупным достоинством «Трудов» является начавшаяся публикация обобщающих статей по важным проблемам истории литературы. Здесь прежде всего следует назвать статьи М. Н. Тихомирова, В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. Значение статьи М. Н. Тихомирова «Городская письменность в древней Руси XI—XIII вв.» (т. IX, стр. 51—66) заключается в выяснении на обширном фактическом материале того обстоятельства, что письменность не была привилегией только феодалов, светских и духовных, что «письменность должна была иметь и имела распространение среди ремесленников древней Руси XI—XIII вв.» (стр. 56). Вместе с тем М. Н. Тихомиров новым материалом (крестные грамоты, «доски», данные раскопок и др.) подтверждает мнение о развернутой работе княжеских канцелярий. Нужно согласиться с предположением М. Н. Тихомирова о том, что светские памятники сохранились менее полно, ибо монастыри хуже хранили их, «кроме летописей и хронографов» (стр. 62).

Есть в статье М. Н. Тихомирова и такие соображения, которые вызовут дальнейшее творческое обсуждение; к их числу относится вопрос о характере древнерусского летописания. Остановившись на критике буржуазной историографии этого вопроса (в том числе взглядов А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова), М. Н. Тихомиров высказал упрек автору настоящей статьи в том, что и он держится «такой же точки зрения о преобладании церковного элемента в создании летописей» и, в частности, «считает, что в Галицко-Волынской летописи мы имеем в сущности несколько летописных сводов, которые были составлены по преимуществу при княжеских или епископских дворах» (стр. 60).

Вопрос «о преобладании церковного элемента» ставится мною иначе, чем буржуазной историографией, главный грех которой состоит не в том, что она писала об этом преобладании, а в том, что самую историю Руси она рассматривала как историю церковно-политическую, слепо следуя за летописцами-церковниками. Не останавливаясь подробнее на критике взглядов А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, ибо мне довелось сделать это довольно развернуто в другом месте⁶, коснусь лишь общей постановки важного вопроса о путях исследования летописания.

Если обратиться к теории, то придется признать, что, поскольку в течение всего средневековья церковная идеология остается господствующей, а город является объектом политической эксплуатации различных групп феодалов, городская идеология (если

⁶ См. «Вопросы истории», № 11, 1950, стр. 145—148; № 2, 1952, стр. 47—73.